

Богдан ХИЛЬКО

ВЗОРВАТЬСЯ НА ПЕРЕКРЕСТКАХ СВЕТА

Ирина Ермакова. Легче легкого. – М.: Воймега; Ростов-на-Дону: Prosodia, 2021. – 80 с.

Банальностью будет назвать книгу Ирины Ермаковой «Легче легкого», вышедшую в 2021 году, пророческой. Слишком много стало теперь пророческого и заранее предчувствовавшего грядущую катастрофу. Для автора книги она существовала, кажется, всегда – задолго до поворотного марта 2014, задолго до знакового для книги 2013, задолго даже до 1964 и 1654 – существовала уже в краснофигурной вазе «лет несколько тысяч тому».

А потому «Легче легкого» становится кропотливой и внимательной работой по собиранию и сохранению осколков жизни и культуры, из которых и складывается космос Ирины Ермаковой. Не случайно в стихотворении «Сумерки» возникает фигура Ивана Бунина, «Чистый понедельник» которого с невероятной топографической и вещной точностью воспроизводит облик и быт дореволюционной Москвы тогда, когда сам Бунин уже не мог увидеть этот город и когда самого города в том виде уже давно не существовало. Не случайно возникают в стихах Ермаковой «ветрило» и «дневное светило», очевидно отсылающие к «воспомянем упоенной» пушкинской элегии.

Сама метафорика многих стихов книги тесно связана с осязаемым миром: снег напоминает конфетти, морские волны – глиняные черепки, воздух становится «одной ледяной глыбой» и солнце, обретая вещность, раскалывается в автобусном стекле. Ирина Ермакова тщательно документирует-воспомянет, пытается удержать «очертанья, запахи, наречья», которые одни уже дают существование:

Что нам до того, что нас на свете
Нет давным-давно – да вот он, воздух
Блеск ночной, невидимые горы
Мерный гул, распахнутая воля
Значит, мы сидим с тобой на гальке
Над осенней мглой, бегущей с моря
Смотрим в воду чёрную живую
Навсегда обнявшись. Навсегда

Характерно для стихов Ермаковой тяготение к традиционной форме, создающей особую гравитацию для ее тяжелых (и физически – как сапог на голове толпы из стихотворения «салют», и морально – как множество проникающих в стихи свидетельств жизни автора) образов. Не редкость для книги правильный размер и рифма. Однажды встречается сонет. Но рядом возникают верлибры и акцентные стихи, и те, кажущиеся на первый взгляд конвенциональными формы, то и дело нарушаются грамматическими и синтаксическими сдвигами – трещинами. В итоге тексты находятся в вечном состоянии неустойчивого равновесия. Точнее всего описывает бытие своих стихов сам автор в стихотворении «Рифма»:

стихотворение

рвётся выгибается пытается словить ветер
и раскрывается растекается вырастает

а с тротуара глянешь
ветка и ветка
неотличимая от иных

Этот ветер, пришедший, видимо, из поэмы Блока «Двенадцать», о чем напоминает начало стихотворения «Февраль», будто растягивает строки в разные стороны, освобождая место для возникающих пауз. Свободное пространство между словами в стихах Ермаковой может выполнять служебную роль, усиливая цезуру и создавая необходимый саспенс перед возникновением неожиданного образа («домой несется распахнута пасть», «парит бумерангом кривой слезой»), но еще чаще, разрывая синтагмы и строфы, создает пространство духовного напряжения:

день прогорел почти остыло что так рябило горячо
и только дневное светило ещё цепляется ещё
за шпиль за крышу но правее скользит сквозь мокрый блеск ракет
от напряженья багровея на голом воздухе висит

о солнечная неизбежность исчезновенья за чертой

Такие разрывы в тихих, медленных, кропотливых стихах Ермаковой поддержаны возникающими, как навязчивый шум, мотивами стука, грохота, искрения и, наконец, взрыва, как в стихотворении «Портал»:

в корни вцепилась поляна у края,

туча песка оседает, как взрыв.

– *Выход в сегодня перекрывая?*

Мастерски спрятанные в ткани стиха, они подтачивают спокойную медитативную просодию Ирины Ермаковой. Но что это за взрыв? Однозначных ответов Ермакова не дает.

Эти мотивы неизбежно притягивают тему войны и страдания, а вместе с ними – пушки и выстрелы, детей и птиц, летящих искрами по раздувающему ад ветру. Но, может, – это взрыв как выход в новое существование. Выход этот предчувствуется в монотонном стуке колес, который на самом деле – эхо дудки поэта, что никто «спяну» не может «расслышать всерьез» («Мне весело, будто уже умерла...»), и проговаривается в стихотворении, начинающемся со слов «прогибает волны ветер взлетный...»:

... вот минута
или не минута но однажды
станешь духом и взлетишь отсюда

В мире «Легче легкого», кажется, возможен и тот, и другой исход – разрушения и преображения. Они заранее предугаданы и приняты поэтом, и то, что станет с человеком, куда качнется в очередной раз маятник его жизни, зависит, кажется, лишь от одного вопроса: «да кто ж его качнет?».